

Аудиозапись интервью с Татьяной Павловной Улкиной

Расшифровка записи

Запись сделана 25 июня 2023 года в поселке Палочка Верхнекетского района, после открытия памятника репрессированным крестьянам-спецпереселенцам.

Записал В. Ханевич. Расшифровка Е. Беловой.

Ulkina_1_yfE3s5L3i9AN.mp3

— Как вас зовут?

— Татьяна Павловна Улкина. Девичья фамилия - Прудникова.

— Мы с вами в Палочке встречаемся на открытии памятника. Расскажите, пожалуйста, про своих родных и близких.

— Мой папа **Прудников Павел Григорьевич**, был арестован в 37-м году в городе Гомеле по доносу. Ему присудили статью... одна была статья - 58-я, по-моему, часть там какая-то... Ему присудили 10 лет строгих лагерей. Отбывал ссылку он в лагере на Крайнем Севере, в Северодвинском и немного в Темниковском. Это были страшные, самые страшные лагеря для политических заключенных.

— А кем он был по профессии?

— Он был по профессии преподаватель. Во время ареста, в 37-м году, он работал на кафедре психологии и педагогики в Гомельском педагогическом институте, он был заведующим кафедры. Донос на него написал простой преподаватель.

Когда 10 лет отец отсидел, то нигде не разрешали просто-напросто жить. Он поехал в Белоруссию, к старшему брату к **Логину** (?). Тот был военным врачом. Сразу дали понять, чтобы через сколько-то часов вашего брата чтобы не было. Он уехал к другому брату, в Москву. Иван. Он был директором, по-моему, часового завода. Там тоже не разрешили жить. И папа уехал на Волгу. Тоже был ссыльный край...

[У папы была] первая жена и дочь от первого брака. Когда папу арестовали, арестовали [его] жену тоже. Куда исчезла жена, никто не знает. По архивным документам я тоже ничего не смогла это проверить. Дочь успели переправить к ближним родственникам соседи. На страх и риск, они успели переправить ее к другим родственникам.

Когда папа приехал на Волгу, его попросили работать учителем - не хватало учителей. Когда он только приступил к педагогической деятельности, его опять арестовывают, по этой же статье, как антисоветчика, и отправляют в ссылку в Казахстан. В это время он уже сошелся с мамой и уже родилась старшая сестра Галина. И мама поехала за папой [в ссылку]. Сколько-то месяцев было Гале. Тогда, в ссылке, родился старший брат Сева, который теперь живет на Камчатке. И в ссылке родилась я...

— В каком году?

— Я родилась в 54-м году. Отец был в ссылке. Сева родился в 51-м году у Гали. Галя родилась в январе 48-го, но она уже с мамой приехала в ссылку, и просто вспоминать очень тяжело.

Во-первых, комендатура. Они натравливали людей, то есть — семья врага народа. Нельзя было общаться. Но к папе люди тянулись почему-то всегда. И вот напекут казахи лепешек, положат под дверь, потому что боялись тоже, боялись общаться с семьей врага народа, и кидали камушки... Сестра почти на семь лет старше меня, на это помнит, и, говорит: «Выйдем, дверь откроем, а там лепешки лежат»... Вот так вот и выжили.

А потом, когда родилась я, Сева был маленький, и только в ауле обжились в одном, переводили в другой аул. И переводили как раз в мае, был ужасный холод, и мы уже замерзали, шли, никто не пускал, ни в одну юрту не пустили, все боялись: «Уходите, уходите». Семья врага народа. И только в последней юрте — старые муж с женой, казахи. Они пустили, обогрели кипятком, нам дали кипяток. Меня в какую-то шкуру завернули, во что-то Севу, что-то дали маме, и сказали: «Только уходите, уходите, быстрее уходите»... Так мы перешли в другой аул.

В 56-м году папу полностью оправдал Верховный суд Белорусской ССР, сняли с него все обвинения. Ну, и сказали, кто написал донос. Донос написал простой преподаватель.

Как мы оказались в Сибири, я не знаю. В Сибири мы оказались в 57 – 58 году, наверное, мы приехали сюда добровольно. По-моему, добровольно, потому что папа был директором школы в Клюквенке.

Мы очень поздние дети у отца. Нас признали пострадавшими — Галю, Севу и меня признали пострадавшими от политических репрессий, и выдали нам документы реабилитированных. И я когда приехала получать справку о реабилитации в областной прокуратуре, то есть в Томске, когда я туда приехала... И там молодой сотрудник, женщина, она почему-то выразилась так: «Ну, опять блатные пошли». Я сначала не сообразила, почему это было сказано — «блатные»... Просто мы у отца — очень поздние дети, очень поздние...

Я просто хочу сказать, что к моему отцу всегда тянулись люди. Всегда. И вот потом мы переехали в Рыбинск, папа уже был на пенсии, потому что ему было очень много лет. Люди к нему у него всегда были. Вечером приходили к нему

люди какие-то, делали контрольные, кто учился заочно, из леспромхоза, из руководящего состава... И всегда к нему почему-то тянулись люди. Поэтому в память о своем отце, как мы оказались в Сибири, я не могу рассказать, не могу это подтвердить. Поэтому я оказываю посильную для меня помощь для церкви в поселке Клюквенка, откуда мы приехали в Сибирь. И посильную помощь оказываю здесь, в создании этого сквера, этого музея...

— У папы вашего последнее место работы было в Клюквинке?

— В Рыбинске, Рыбинская 8-летняя школа.

—И умер он когда?

— Умер он 1976 году.

— В Рыбинске?

— В Рыбинске. Да, могила его в Рыбинске.

Ulkina_2_z0I1e7Baja9Q.mp3

[Здесь, видимо, был перерыв в записи]

— ... И мы учились вместе с их детьми. Никогда не было распрей каких-то таких, политических, на политической основе...

— А что, и драк таких не было между пацанами из разных...

— Ну, пацаны-то дрались, конечно, что и говорить. А еще у нас вот турок я не помню... Турки были, им в каком-то году разрешили вернуться домой. Вернулись, уехали все турки. Остались только **Нины Нимори** отец. Он остался, потому что создал семью. И вот из этого брака родились двое - Нина, и еще брат у нее старший есть. И еще один турок. Он вернулся [на родину], но у него осталась семья. Аля Лебедева — это его дочка. Она и похожа на турчанку. Но она живет [сейчас] в Томске где-то сейчас.

— Именно - Турки или ...

— Турки, да.

— ... или "так называемые турки", то есть грузины или абхазы.

— Нет, нет, турки, турки. Им потом разрешили вернуться. Ну, я что, просто запомнила, как это было интересно. Они вносили какой-то колорит в жизнь сибиряков вот этих вот. То есть у нас же как было - остяки...

— А вы учились друг у друга чему-то, жизненному?

— Ну, я не знаю, я тогда ребенком была. Я просто знаю, что мы открывали окошко и всегда слушали. Напротив клуба жили. Но распрей никаких не было. Мальчишки, конечно, дрались, и мы дрались... Как и во все времена дрались

дети, наверное. Потом и из украинцев многие уехали. Но почему-то не уехал только Кабан Еремей Михайлович, или.. Не помню, как его отчество. Уже он был в леспромхозе, то ли заместителем директора, то ли кем...

— Не его сын работает в Томске, на телевидении?

— Да, да, Коля Кабан. Мы с ним общаемся очень часто. Это его сын. И здесь у него, в Белом Яре живет Костя, по-моему, Костя, еще один сын. А с Колей мы общаемся часто по телефону. Да, это его сын. Вот он остался здесь. И мама его — Мария, вот отчество не помню уже. Мама тоже похоронена в Рыбинске, она и умерла в Рыбинске. А вот здесь мы ее звали тетя Степа. Наверное, она Стефания была, сестра вот этого Кабана Еремея. Они уехали оттуда, многие потом уехали, а единицы остались. А почему? Не знаю, почему.

— Вот такой вопрос. Скажите, вот в Рыбинске поставили поклонный крест?

— Да, да, да...

— Какое отношение ваше к этому, к такой форме памяти. Это вам угодно?

— Знаете ли.. Да... Я вообще преклоняюсь перед тем, что это сделали.

Вот отец Никита, и я благодарна Богу, что я была при этом, присутствовала здесь, я пела. И вот мы когда [крест] поставили, когда первый раз мы только панихиды отслужили, отец Никита и мы переходили от кладбища к кладбищу, по пояс трава. И мы шагали. Отец Никита, как исполин, шагает. Мы за ним, или впереди него... И что характерно, на первом кладбище было тяжело. Очень тяжело было слушать... На втором... А потом, когда на третий кладбище перешли. Такое впечатление, как какой-то шум. Гуля, помнишь, Гуля, к тебе обращаюсь! Да... На третьем кладбище стало как-то легче. А потом я спрашиваю: "Гуля, ты слышишь что-нибудь? Как будто шум какой-то в воздухе?" - я говорю. - "Это сонм душ, наверное, что ли, поет вместе с нами?" И птичка такая. Ах, птички такие, вот такое. Я так стою и думаю - наверное, их души радуются, что о них вспомнили, что их память почтили, что панихиды по ним отслужили. Отец Никита там через какие-то кочки ходит, он окропил все кладбища, каждое. А мы стоим и думаем: хоть бы отец Никита не запнулся, не упал, потому что и кочки, и все. И вот как это было. Это не передать словами! Я благодарна Господу, что я там была.

Ulkina_3_98kaYI4Y3XQQ

— Вы не против того, что Ваше интервью будет опубликовано на сайте мемориального музея Томского областного краеведческого музея? Ваш рассказ очень важен. Вот мои все телефоны...

— Хорошо. Но у меня, в принципе, все, что я рассказала, первые эти архивные документы, они у меня. Я могу вам скопировать их, послать, если нужно.

Я просто благодарна тем людям, которые работают сейчас в этих архивах. Я ведь не знала, с чего начать. А ко мне подошел папин ученик и мне сказал.

Это Поповский, который умер, Александр, он был папиным учеником. Он сказал: «Татьяна, а почему ты про своего отца ничего [не написала]? Это был учитель с большой буквы. Все говорили ученики»...

Я пришла домой и думаю – а, правда, почему я ничего не знаю о своем отце? И я написала несколько писем, пришла на работу, мы раскрыли карту с этими лесничими. Ну, Северодвинский лагерь темниковский... Ну, хорошо, есть город Северодвинск, есть Архангельске, там много городов. Я отправила во все, что мы увидели. Но мы не заметили, что есть маленький городок на Крайнем Севере, который называется **Верьск**???. И когда мои письма пришли вот в эти города, в архивы, мне оттуда пришло письмо, что ваше письмо направлено в город **Верьск**?, где находится архив по политическим заключенным Северодвинского и Темниковского лагерей. Мое письмо отправили туда... Я начала [заниматься] и архивные документы стали уже приходить оттуда...